

АЛИСА МЕДОВНИКОВА

КЛИКУША

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Иллюстрация на переплете художницы *Beskrovnaya*

Медовникова, Алиса Михайловна.

М42 Кликуша / Алиса Медовникова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235611-7

Возвращение в родовое гнездо оборачивается для Катерины кошмаром. Стоило ей переступить порог бабушкиного дома, как в голове зазвучал хор голосов, зовущий её за собой. С детства в родной станице её считали «одержимой» и кликушей, но теперь пророчества бабушки начинают сбываться с пугающей точностью — стоит Кате пожелать кому-то зла, и смерть приходит за обидчиком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235611-7

© Медовникова А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Хор голосов звучал в ее голове. Они были настолько громкими, что не только заглушали мысли, но и подавляли волю. Но больше она не сопротивлялась. Просто делала то, что требовали. Добралась до проклятой хаты, отыскала дыру в заборе и проникла во двор.

Под ногами ее расползалась земля, не успевшая просохнуть после дождя. Она липла к подошвам, словно желая удержать ее и предупредить: «Не ходи туда, там ждет только смерть». В сознании промелькнула мысль, что еще можно повернуть назад. Но голоса мгновенно заглушили ее и повели девушку через заваленный хламом двор. Мимо разбитого глиняного кувшина, в который въелась кровь. Клетки, в которой держали жертв. И куска веревки, которым им связывали руки. Они направили ее к старой хате, которая проваливалась под землю. Но похоронить свои тайны так и не сумела.

И, когда луна скрылась за облаками, девушка продралась через заросли кустарника и оказалась у заброшенного колодца. Оборвала побеги, опутавшие его, и добралась до крышки. Трясущимися руками ухватилась за ржавое кольцо и потянула вверх. Но крышка не поднялась ни на сантиметр, как она ни старалась.

АЛИСА МЕДОВНИКОВА

Голоса дали подсказку, и девушка достала складной нож. Она не помнила, когда положила его в карман куртки. Не помнила и когда купила. Но обо всем помнили те, кто давно готовился к этому дню. Они выкрикнули очередной приказ, и девушка полоснула ладонь.

Алая кровь окропила крышку. Вырезанные на ней руны засияли. Черная пасть колодца распахнулась, и голоса взревели. Голову девушки пронзила боль. Ноги ее подкосились, и она чуть не рухнула. Но ее удержали десятки невидимых рук. Тело ее покрылось мурашками. Инстинкт самосохранения завопил: «Беги!» Но голоса перекрыли и его. Они устали ждать и требовали спуститься как можно скорее. И девушка, заключившая с ними сделку, забралась на выступ колодца и прыгнула в темные воды. Туда, где ее ждали веками.

ГЛАВА 1

Три чемодана. Вот и все, что она накопила за свою жизнь. Один с одеждой, второй с обувью, а последний, самый ценный, — с книгами, поэтому лежал он в салоне автомобиля, а не в багажнике. И чем ближе машина подъезжала к дому, в котором прошло все ее детство, тем сильнее она сжимала ручку чемодана. Ей хотелось верить, что лежащие в нем пухлые томики и в этот раз помогут справиться с неудачами. Но сейчас был бессилен даже ее любимый дядюшка Стиви¹. Последний раз Катерина была в станице двадцать семь лет назад и, будь ее воля, не приезжала бы больше никогда. Но жизнь любит преподносить сюрпризы. И один ждал у ненавистного бабушкиного дома, который оказался не такой развалюхой, как в ее памяти.

— Это точно Казачья? Вы не ошиблись? — уточнила она у водителя, глядя на новые окна, красивый забор и цветущий сад.

— Ошибся?! Да я всю жизнь на Кугуте² прожил! Чемоданы поживее доставай, у меня заказ новый. И пятерку поставить не забудь!

¹ Прозвище писателя Стивена Кинга.

² Кугута — название района станицы, к которому относится начало улицы Казачьей.

Просить о помощи было бесполезно, так что Катерина сама вытащила первый чемодан и направилась к багажнику, чтобы достать остальные. Но не успела закрыть его, как машина сорвалась с места, подняв столб пыли.

— Если здесь все таксисты такие, то я лучше пешком похожу, — пробубнила она себе и смахнула с белого сарафана пыль.

— Не все, — сбоку послышался незнакомый голос, который старался перекрычать внезапно заскулившую соседскую собаку. — Но этот хорошей оценки точно не заслуживает.

Катя застыла. А рыжеволосая незнакомка в зеленом халате и черных шлепанцах подошла ближе и спросила:

— Узнала меня?

— Нет.

— Так и думала, я же цвет волос сменила. А вот ты почти не изменилась. Такая же чернявая, длинноволосая и тощая.. Я — Оля, вон там жила, — представилась девушка и махнула рукой в сторону дома в конце квартала. — И живу.

Понимая, что имя ничего не объяснило и Катя все еще не узнавала ее, Оля сказала:

— Я тебя еще на велике учила ездить.

— Точно! У тебя был «Школьник» голубой с рамой. — Катерина наконец вспомнила ту единственную заикающуюся девочку, которая играла с ней не смотря на то, что была старше на пять лет..

— Держи! Дядь Миша попросил тебя встретить и отдать. — Оля протянула ключ и улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. — Ты что, не рада возвращению?

— Не особо.

— Ну ничего. — Оля подхватила два чемодана и потащила их к калитке. — Поживешь тут месяц-другой, скандал уляжется, и вернешься обратно. А может, и тут захочешь остаться.

— Тут? И что мне тут делать?

— У нас не Краснодар, конечно, но тоже неплохо. Да и земля родная, как-никак. У нас парк есть, даже два, кафешки, бассейн, кинотеатр. Хотя бабки на лавке каждый день такое кино сочиняют, что Голливуд отдыхает. Их сплетни хоть на «Домашний» продавай, хоть на «РЕН ТВ» как сюжеты.

Вспомнив тех теток, что изводили ее в детстве, Катя поинтересовалась:

— Новых занятий они себе так и не нашли?

— Чтобы их найти, нужно было захотеть, а их все устраивает, так что готовься к пристальному вниманию, — предупредила Ольга, затаскивая чемоданы на крылечко. — Ладно, тебе с дороги отдохнуть надо, я побегу. Кур давно кормить пора. А ты заходи в гости. Если помощь нужна будет или просто так.

Оля ушла к себе, а Катя задумалась, что такого теплого приема не ожидала. Слишком хорошо помнила, как к ней относились раньше. И планировала держаться от всех подальше. Но дядя Миша специально оставил ключ Ольке, а не спрятал в цветочном горшке на крыльце, как они делали в детстве. Решил, видимо, что подруга ей не помешает. Вот только в друзьях Катерина не нуждалась. В ее планы входили поиски новой работы и быстрое возвращение обратно в Краснодар. Задерживаться в ненавистном доме дольше необходимого она не собиралась.

Поднявшись на крылечко, Катя замерла у двери, над которой все еще висела подкова, которую слу-

чайно нашел ее дедушка. Он же прибил ее зубцами вверх, чтобы защитить дом. Но в такую охрану Катерина не верила, в отличие от сигнализации. Она достала из кармана ключ, который оказался ледяным.

— В морозилке она его держала, что ли? — воскликнула Катерина и потеряла ключ руками, чтобы он согрелся, а после вставила его в замочную скважину.

Но повернуть его и открыть дверь ей не удалось. словно сам дом препятствовал ее возвращению. Может, помнил, как не любила Катю его хозяйка. Или считал ее предательницей, оставившей его один на один со сбрендившей старухой. Но, что бы он там ни думал, попасть в него было необходимо, и Катерина не оставляла попыток. Она успела проклясть и дом, и подкову, и старый замок, который следовало сменить, и только тогда вспомнила секрет. Навалилась всем телом на дверь, чтобы сошлись пазы замка. Но они все не желали складываться, словно кто-то с той стороны тоже навалился на дверь, не желая пускать ее внутрь.

— И как это понимать? Она так и не простила меня, и теперь ее неупокоенный дух мне в дом войти не дает?! — спросила вслух Катя, почувствовав вдруг запах бабушкиных духов, а потом сама себя одернула.

«Так, ты не она, заканчивай верить в духов, бесов и проклятья. Это всего лишь старый замок».

Посильнее навалившись на дверь, Катя смогла повернуть ключ. Но войти в дом так и не решилась.

«Тут как с пластырем — надо резко дернуть, и все. Давай, ты справишься. Ее там больше нет», — подбодрила она себя и распахнула дверь.

Перед глазами тут же появилась лужа крови на полу прихожей, которая напугала ее в детстве. Но сейчас на ее месте лежал новенький коврик. Да и весь темный коридор, в котором вечно пахло полыньей, был на себя не похож. Хотя веничек из трав, которым бабушка отгоняла темных духов, все так же стоял в вазочке на комод. И был таким же свежим, словно собранным этим утром.

— Ого... — пораженно прошептала Катя и осторожно вошла.

Поддавшись любопытству, она обошла все комнаты и поняла, о каком подарке шла речь. Дядя Миша не просто прибрался, а сделал ремонт, хотя входную дверь почему-то не сменил. Но Катерина не видела в этом смысла. Зачем было тратить сколько денег? Куда лучше было бы сровнять все с землей. Но дом все так же стоял на месте. И несмотря на то, что все следы прежних времен были уничтожены, Катерина все равно чувствовала себя здесь неуютно.

Каждый метр был пропитан страданиями, от которых никакая подкова не уберегла. В углу гостиной, где сейчас стоял огромный цветок, Катя часами стояла на коленях и выпрашивала прощения у Господа. Там же ее обливали святой водой и порол, чтобы изгнать из нее бесов. У бабушки была тяжелая рука, потому раны заживали долго. И сейчас спину Кати начало печь так сильно, словно Любовь Михайловна только что отходила ее дедовой нагайкой. Ее она хранила в своей спальне — самой опасной комнате в доме. И уже по скрипу двери, ведущей в нее, Катерина понимала, в каком настроении Любовь Михайловна. Если петли поскрипывали плавно, почти мелодично, она пребывала в прекрасном

настроении, отлично выспалась, и Катю ждал вкусный завтрак. Если скрипели обычно, то и день начинался как обычно — с утренней молитвы и сборов в школу. Противный скрип извещал о том, что ничего хорошего Катерину не ждет и бабушке пришла в голову очередная идея о том, как изгонять бесов.

Дотронувшись до спины, которая перестала пылать так же неожиданно, как и начала, Катерина услышала противный скрип двери. Именно такой, с каким она открывалась всего раз. В тот самый день, когда бабушка решила отрезать ей язык. Вздвогнув от неожиданности, она обернулась, ожидая увидеть в проеме разъяренную бабушку. Но там никого не было, а дверь все так же была закрыта.

«Плохая это была идея — послушаться дядю Мишу и вернуться сюда, — решила Катерина. — Лучше бы комнату в общежитии сняла и работу нашла на первое время. Там бы мне подобное не мерещилось».

В доме бабушки в сверхъестественное верилось легко, ведь все детство Катя росла с заговорами, травами и оберегами. А еще историями о проклятиях, духах и высших силах. Не зря же некоторые станичники за глаза называли ее бабушку ведьмой. Но, став старше, Катерина узнала, что никакой магии нет. Как и ее одержимости. Все это были рассказы бабули, которую большая часть знакомых называла сбрендившей старухой, и никак иначе.

Продолжать верить во всю эту чушь Катя не собиралась и рывком распахнула дверь в бывшую бабушкину комнату. Она больше ничем не напоминала спальню, в которой жила Любовь Михайловна. Но в красном углу все равно стояла та самая икона, которая передавалась в ее семье из поколения в по-

коление. Вот только стояла она лицом к стене, что смутило Катю. Она подошла, чтобы перевернуть ее, и тут же отбросила. На выцветшей иконе была изображена сама Катерина, из глаз которой шла кровь, а руки были обращены к небу.

— Свят, свят, свят! — испуганно прошептала она и перекрестилась.

Катерина напряглась, ожидая, что сейчас случится что-то плохое. Но потом одернула себя и подняла икону. На ней, как и раньше, была изображена святая Матрона Московская.

— Надо завязывать со сном по три часа и литрами кофе, — отругала себя Катя и аккуратно поставила иконку на полку, чтобы продолжить осмотр бывшей комнаты бабушки.

Она давно поняла, что бабушка ее не любила. Для нее Катя всегда была той, кого нужно исправить. Той, что не смела и пикнуть родителям, что бабушка спасает ее от нечистого. А Кате не нужно было спасение, тем более от несуществующей одержимости. Ей нужна была любовь, хотя бы капля. Но даже ее Любовь Михайловна не сумела выдать. Хотя и была ею названа.

Любовь Катерина видела только от одного человека — своего крестного, дяди Миши. Каждый раз, когда бабушка оставляла ее под его присмотром, Катя мечтала о том, чтобы что-нибудь случилось и она навсегда осталась жить с ним. Но, когда «что-нибудь» и правда случилось, жить она стала не с дядей Мишей, а с тетей Надей и ее гадким мужем, который был не лучше бабушки и тоже ее бил. Но хотя бы не верил в ее одержимость.

Нахлынувшие мысли не сулили ничего хорошего. Катерина запихнула их туда, откуда они попыта-

лись выбраться, и пошла на кухню — единственное место в доме, которое не вызывало у нее неприятных воспоминаний, ведь бабушка тут почти не появлялась. И чаще Катя готовила себе сама, или ее кормил дядя Миша.

На кухонном столе ее ждал еще один сюрприз — праздничный каравай. Увидев, что в том месте, где должна стоять солонка, воткнута свечка с цифрами «3» и «5», Катя не сдержала слез.

Она не плакала ни когда ее увольняли, ни когда выгоняли из квартиры. Сдержала слезы и после того, как все знакомые уведомили, что на ней теперь «клеймо» и работать с ней никто не будет. Все это она стерпела, сцепив зубы. Тем более что быть заклеянной ей не привыкать. К такому бабушка подготовила ее еще в детстве. А вот обычный каравай заставил ее растрогаться. Это был первый подарок ко дню рождения за много лет. Но не потому, что никто не поздравлял Катю. Просто она ненавидела свой день рождения, любовь к которому отбила еще бабушка, и дату этого события скрывала даже от друзей. Хотя их у нее и не было. Были только коллеги, с которым она общалась на работе. А когда ее уволили, исчезли и они. Катя снова осталась одна, но это ее не пугало. Она привыкла держаться особняком, так ей было привычнее и спокойнее.

Утерев непрошеные слезы, Катя взяла коробок спичек, лежащий рядом, и зажгла свечку. Та разгорелась неровно, а потом начала трещать и коптить. Не обращая внимания на это, Катерина прошептала:

— С днем рождения.

И начала загадывать желание. Но сформулировать его оказалось сложно.

— Я хочу... Я хочу... А чего же я хочу, по-настоящему, именно я? — впервые спросила она, но ответ так и не пришел.

Задув погнувшуюся свечу, Катя оторвала кусочек каравая и запихнула в рот. Но не смогла им насладиться, потому что ощутила привкус крови на губах. Так же было в пятый день рождения, когда дядя Миша подарил ей праздничный каравай. Катерина вспомнила, как крестный устроил тайный праздник у себя и пел: «Как на Катькины именины испекли мы каравай — вот такой вышины, вот такой низины, вот такой ширины, вот такой ужины». Вот только бабушка, не желавшая отмечать день рождения одержимой внучки, о нем узнала и ударила Катю, разбив ей губу. Потом влетело и дяде Мише. А припомнив, что бабушка сделала с тем караваем, Катерина поперхнулась. Даже тот тайный праздник Любовь Михайловна испортила. У нее вообще был талант уничтожать все то прекрасное, что было вокруг. Цветы, книги, картины, дом, внуку. Став старше, Катя начала осознавать, почему она ожесточилась, но все равно не могла ее понять. У нее же было много возможностей снова стать счастливой, но она выбрала жизнь одинокой суровой казачки, общаться с которой не желали и родные дочери.

«Слишком депрессивные мысли у тебя, день рождения все-таки, — укорила себя Катя. — Пойдем лучше вещи разберем».

Наведение порядка и раскладывание всего по полочкам обычно ее успокаивало, но не в этот раз. Не помогли поднять настроение и любимые книги, которые Катя расставила на полках, ведь все это она делала механически. В этот шкаф вещи, в этот книги. В этот ящик носки, в этот документы. Вот на эту

полку футболки, а на эту полотенца. Сюда фен, а вот сюда зубную щетку. Никакой радости. Только действия, отвлекающие от мыслей о том, что в этом доме ей придется жить. Спать в той комнате, где умерла Любовь Михайловна. Общаться с людьми, которые обзывали ее одержимой. И пусть дом был с новым ремонтом, в спальне не осталось ничего из бабушкиных вещей, а большая часть тех, кто ее обзывал, давно уехали из станицы, все они жили в воспоминаниях, что нахлынули на Катерину.

Воздуха в комнате стало не хватать. Катя почувствовала, что близится приступ, и вылетела из дома. Она шла без цели, просто вперед, и не узнавала ни улиц, ни людей. Механически считала деревья, заборы и кусты. А потом проговаривала про себя все, что видит, слышит и чувствует. Это помогло унять тревогу, но не спасло от жажды, поэтому Катерина заглянула в первый попавшийся магазин. Им оказался «Магнит Косметик», и она не только утолила жажду, но и купила подарок. Обычно Катя не баловала себя. Но сейчас не устояла перед предложенными консультантом духами, ведь запах навевал воспоминания о море и лете. Она с радостью потратила деньги, которые стоило поберечь, на спонтанную, но такую приятную покупку. Должно же быть в ее жизни, вдруг перешедшей на черную полосу, хоть что-то хорошее. А раз оно никак не появлялось извне, Катя решила привнести его сама.

Настроение улучшилось, и все люди теперь казались ей милыми, припекающее солнце приятным, а дома симпатичными. Разглядывая их и восхищаясь хозяевами, которые разбили возле дворов красивые палисадники, она добралась до выезда из ста-

КЛИКУША

ницы. Но поняла это только тогда, когда увидела на перекрестке дорожный указатель. Он сообщал, что в паре метров находится не только выезд и какой-то неизвестный «Казачий остров», но и Батуринский мост.

В детстве они с дядей Мишей частенько ездили на этот мост рыбачить, и Катерина решила оживить хотя бы одно приятное воспоминание. Предвкушая, как она понаблюдает за любимыми уточками, она поспешила к Батуринскому мосту. Но с каждым шагом ее энтузиазм испарялся. Дома становились более запущенными и мрачными, а заборы — щербатыми. Скрюченные деревья не радовали, как и вянущие цветы. Птицы в этой части станицы не щебетали, а собаки не лаяли, лишь жалобно скулили и прятались, когда Катя проходила мимо. И пахло уже не цветущими растениями и свежескошенной травой, а сыростью и затхлостью. Воздух был каким-то тяжелым и вязким. Вдыхая его, ты словно заполнял легкие дымом от костра.

Эти кварталы разительно отличались от соседних, и Катерина ускорила шаг, чтобы преодолеть их как можно скорее. Она почти дошла до моста, когда ее бросило в жар. Дома вдруг накренились, а деревья начали заваливаться. Катя замедлила шаг и ухватила рукой за забор, потому что к горлу подкатила тошнота. По телу прокатилась волна боли, и она услышала их. Сначала все походило на навязчивое жужжание, которое становилось все громче и громче. В нем сливались десятки голосов, и трудно было разобрать, что именно они говорят.

Гул нарастал, пока не превратился в истошный крик: *«Иди к нам!»*

А потом была только темнота.